

ЗА ДОЛГУЮ ЖИЗНЬ ее называли по-разному: Ануш, Акума, Сафо, Звезда Севера, Сфинкс, Египтянка и даже Императрица. Ни одному имени, впрочем, не дано было укорениться и заменить имя, которому она сама приписывала магическую силу. Имя это она получила в память о бабке, происходившей из древнего татарского рода. В обществе, где героиня мемуаров в молодые годы вращалась, ее называли по-европейски, без отчества — Анна. Один светский человек, которому она посвящала стихи, склонял это имя на южно-русский манер, отдавая дань и черноморскому детству — Аничка. Известная петербургская красавица и актриса, которая была ее близкой подругой на излете серебряного века, обращалась к ней бесшабашно-весело — Анка. Отец единственного ребенка, поэт, которого убили, звал нежно и просто, по-родительски — Аней. Кстати, его собственная мать тоже была Анной. Так звали и женщину, с которой он связывал свою судьбу, пытаясь забыть Анну — первую, но не смог... В семьях, куда она была вхожа уже признанным поэтом, новорожденных девочек нарекали в честь нее Анютами, и она принимала это благожелательно. Сама себя чаще всего обозначала кратко, подписывая авторские экземпляры стихов «А. А.». Точнее всех определила соратница по поэтическому цеху другая великая женщина эпохи Марина Цветаева. Она восхищалась Ахматовой и называла ее «Златоустая Анна всея Руси».

КОГДА ЗНАКОМИШЬСЯ с воспоминаниями об Анне Андреевне, замечает: мемуаристы пишут об одном и том же совершенно по-разному и в то же время друг другу не противоречат. Образ Ахматовой складывается в единый, вполне скульптурный и даже графический портрет.

Так, например, в 1927 году на ленинградской квартире в Фонтанном доме ее посетила молодая художница Е. К. Гальперина-Осмеркина: «Я успела заметить, что диван в ее маленькой комнате здорово потерт, а на столе — беспорядок, часто встречающийся у людей, работающих дома». Заметила она и усталый вид Ахматовой.

А вот впечатление от встречи с Анной Андреевной такой же молодой сотрудницы Третьяковской галереи В. Ф. Румянцева: «Сразу ее узнала по портретам. Тонкая, гибкая, красиво поставленный голос. Почти до бровей доходит ее незавитая челка. Комната большая, убрана со вкусом. Синий фарфор чашек, много картин на стенах...»

Можно поспорить, о какой именно комнате в последнем случае идет речь, ведь Анна Андреевна в Фонтанном доме проживала у родственников своего мужа и ни на какой фарфор там претендовать не могла. Но, видимо, в этот день она находилась в умиротворенном состоянии духа, и свет ее бесконечной женственности повливал на оптику восприятия собеседницы — маленькая комната презратилась в большую...

В 1925 году поэт и прозаик П. Н. Лукницкий описал явившуюся к нему в гости Анну Андреевну так: «Она пришла в белой фуфайке. Села к столу. Зеленый свет лампы залил лицо — глаза нездоровые, плохо выглядят, лицо усталое».

А в том же 1925 году в Ленинграде вышла книга, собравшая несколько дюжины стихотворений, в которых современники Ахматовой воспевали ее

ЗЛАТОУСТАЯ АННА

необычайную внешность. Она служила моделью для эlegantных женщин артистической среды. Существовало огромное количество ее портретов. И даже статуетки выпускал фарфоровый завод, с замечательным изяществом воспроизводивших фигуру Анны Андреевны.

Была ли она красива? На этот вопрос все отвечают по-разному. Н. Я. Мандельштам в своих заметках вспоминает об эпизоде в кругу высокопоставленных столичных военных, которые, рассматривая портрет Ахматовой, громко над ней издевались. «Новому поколению» эта женщина была физиологически чужда. Ее неординарные черты казались уродливыми.

Супруга литературоведа Г. И. Чукова, с семьей которого Анна Андреевна была дружна до старости, свидетельствует: «Я впервые встретилась с Ахматовой в Париже в 1911 году. Она была очень красива, все на улице заглядывались на нее».

А поэт и критик Г. В. Адамович, тоже знавший Анну Андреевну в те годы, делает собственный вывод: «Она была больше, чем красавица. Никогда не приходилось встречать мне женщину, чей облик настолько выделялся бы своей выразительностью и одухотворенностью».

О манере поведения Ахматовой существуют не менее разноречивые суждения. Вот как ее воспринимал К. И. Чуковский: «В ней чувствовался изысканный лоск, по которому мы, петербургские жители, безошибочно узнавали людей, воспитанных Царским Селом. Приметы: повышенная восприимчивость к музыке, живописи, тонкий вкус, безупречная правильность речи, полное отсутствие запальчивых, резких, необузданных жестов».

Проглотив этот панегирик, перелистывая страницы новых воспоминаний и читая высказывание Н. В. Недоброво, близкого друга Анны Андреевны по литературному

В конце сентября на прилавках волгоградских магазинов появилась замечательная книга: первый сборник всех наиболее ценных свидетельств современников об Анне Андреевне Ахматовой. Книга вышла в издательстве «Советский писатель» и уже стала бестселлером. Количество воспоминаний об Ахматовой, включая хранящиеся в архивах, исчисляется сегодня уже не десятками, а сотнями. Ни о ком в мире, наверное, не написано столько мемуаров, сколько о ней. Естественно поэтому желание узнать этого человека глубже, не по второстепенным текстам, а по тем, которые отражают богатую личность адекватно.

клубу «Бродячая собака»: «Всем она была хороша, только вот этот жест...» Недоброво демонстрировал любимый жест Анны Андреевны: она резко ударяла ладонью по колену, а затем подносила ладонь к самому носу собеседника. Это жест приморской девочки-хулиганки...

Девочка-хулиганка — достоверный факт ее биографии. До того, как дворянская семья ее отца поселилась в Царском Селе, они жили возле скалистых берегов Херсонеса. Маленькая Аня, к великому неудовольствию родителей, целыми днями пропадала у моря. «Если бы вы знали, каким чудовищем я была в те годы, — вздыхала величественная Анна Андреевна в свою позднюю пору. — Я натягивала мокрое платье прямо на голое тело. А рядом на пляже барышни ходили в корсетах...»

Однажды, узнав о разговоре К. И. Чуковского с Н. И. Харджиевым (человек из круга О. Э. Мандельштама — авт.), Анна Андреевна повеселела, будто с нее сняли десяток лет. Корней Иванович изливал потоки патетики, говоря об Анне Андреевне. Харджиеву это в конце концов надоело, и он сказал: «Она славная баба, я люблю с ней выпить...»

Просто она не нуждалась в том, чтобы ее «повышали» или «понижали». Она всегда была такая, какая есть — огромная и разная. И Звезда

Севера, и замордованная бытом женщина, и загадочный Сфинкс с глазами блоковской незнакомки, и порывистая девчонка, от которой можно было ожидать чего угодно.

О ЕЕ ОСТРОУМИИ ходили легенды. Читая записи мыслей Анны Андреевны, рассыпанные в этом сборнике, вы получите истинное наслаждение. Точность и лаконичность ахматовских высказываний по разным поводам может соперничать с выразительностью ее стихотворных образов. Как и в стихах, в обыденных суждениях она афористична. Приведу один пример, который не вошел в книгу. Молодой Михаил Ардов, бывший в 50-е годы студентом МГУ, вспоминал, как в дом его родителей приехала из Ленинграда Ахматова. Михаила послали в магазин за сладостями. Но вечером, перед закрытием, он сумел купить только помнятые карамельки. Все начали извиняться. Анна Андреевна сказала: «Миша, ну их, по крайней мере, при вас мяли?»

Она умела искренне веселиться и веселить других. Жизнь, увы, редко давала к этому поводы. Даже в наше неблагоприятное время не встретишь человека, который бы испытал на своем веку то, что выпало Ахматовой. Ей выпали и болезни (туберкулез, три инфаркта), и аресты близких («Пока вы мирно отдыхали в Сочи, ко мне такие приходили ночи, и я такие слышала звонки...»), и вечная бытовая неустроенность. Надежда Яковлевна Мандельштам пишет в своих заметках то, чего не знали и не могли знать другие авторы: «В самые страшные годы Анна Андреевна первой приходила в дома, где ночью орудовали «дорогие гости»... Страх заглушал в нас все, чем обычно живут люди. Страх был сильнее любви, ревности, других человеческих чувств». Страх заглушал все, но Анна Андреевна тем не менее приходила в дома арестованных. Она помогала осиротевшим знакомым, отдавала им по-

следнее. Вообще, отдавать, а не брать — было основополагающим побуждением ее личности. Непосвященные читатели, познакомясь с подробностями ее быта, испытают немалое удивление. Их поразит полное отсутствие в этой женщине хватательного рефлекса, ее равнодушие к земным благам при том, что она являлась по натуре страстной жизнью. Они не сразу уразумят, почему Ахматова вела себя так, а не иначе. Почему, например, она, поэт с мировым именем, никогда не имела тиражей в советских издательствах и даже собственного угла для работы? Почему она, человек энциклопедических знаний (читала в подлинниках Данте и Шекспира, писала научные статьи, оцененные известными пушкинистами Бонди и Щеголевым, знала отечественную историю с допетровских времен — авт.), не имела постоянной работы на родине и прибегала каторжным трудом переводчика? Почему она, наконец, не каждый день обедала?

Я ДУМАЮ, что, прочитав внимательно свидетельства очевидцев, читатели поймут: потому что Анна Андреевна никогда и ничего «у них» не просила. Она никогда не смешивала себя, как и других людей своего круга, с разрушителями культуры, воцарившимися в стране. Она не вступала с людьми чуждой духовной породы в отношения, чтобы не быть им обязанной. Однажды не получила даже материальную помощь в Литфонде, выхлопотанную друзьями с большим трудом, поскольку для этого надо было писать заявление...

По большому счету, чтобы изменить свою судьбу, перестать слыть «бывшей», на которую все косились, ей надлежало занять идейные убеждения и стать чем-то вроде преуспевающих Суркова, Сейфуллиной или на худой конец «советского барина» Алексея Толстого. (Про А. Толстого Ахматова написала уморительную эпиграмму, которую вы найдете в сборнике — авт.) Но Ахматова не в состоянии была перекопаться. Анна Андреевна могла делать только то, ради чего появилась на свет, — жить напряженной творческой жизнью, радоваться, страдать, писать стихи... И она делала это, «посыпав голову пеплом». Облечившись в старушечий плащ и допотопные боты. Дураки над ее ботами смеялись. Настоящие люди называли эту женщину святой.

«За полбека, что мы были знакомы, я не помню у нее на лице ни одной просительной, заискивающей, мелкой или жалкой улыбки», — пишет К. И. Чуковский. «Анна Андреевна значила для своих друзей очень много, — вторит ему литературовед Э. Г. Гернштейн, — бывали минуты, когда казалось — нет, больше нельзя, все дошло до предела в моей жизни, и тогда в телефонной трубке слышалось: «Говорит Ахматова», и ее голос звучал, как весть о спасении...»

Сотни свидетельств очевидцев заставляют задуматься о феномене ее личности не меньше, чем стихи. Мы видим, что потребность высказаться об Анне Андреевне ощущали люди, знакомые с ней даже мельком. Вроде бы и вспомнить им особенно нечего: одна-единственная реплика, дантовский профиль, взмах прекрасной руки. Но все это западало человеку в подсознание, пронзало его как божественное явление. Анна Ахматова и была таким явлением.

Татьяна Артюшина.

